

Сергей Кот

Корсары: Береговое Братство

«Автор»
2026

Кот С.

Корсары: Береговое Братство / С. Кот — «Автор», 2026

Карибское море, XVII век. Золотая эпоха пиратства: в этих водах закон пишут саблей, а в тавернах шепчутся о сокровищах, ради которых топили целые эскадры. Главному герою предстоит не просто выжить - ему нужно опровергнуть или подтвердить одну из самых таинственных легенд Карибского моря. Чтобы докопаться до правды, придётся окунуться в самую гущу событий: сражаться на море и суше, убегать и догонять, сомневаться и терпеть неудачи. По мотивам мобильной игры «Корсары: Братство Пиратов».

© Кот С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Сергей Кот
Корсары: Береговое Братство

Глава 1

Глава первая, в которой новичок знакомится с Хай-Роком, ловит крабов и чуть не начинает свою карьеру с насилия ещё до ужина

Остров Хай-Рок встретил его солнцем, ветром и запахом гниющих водорослей - то есть всем тем, чем сей клочок суши в Карибском море по обыкновению встречает людей: маняще и недобро.

Торговое судно «Провидение» встало на рейде под самый полдень. Капитан его был человеком слова: обещал за работу на реях кормить в пути и высадить на Хай-Роке - кормил и высадил. О деньгах между ними не говорилось вовсе, что, с одной стороны, честно, а с другой - объясняет, почему пассажир его, а был тому двадцать семь лет от роду, ступил на каменный причал в полном соответствии с законами моря: то есть совершенно ни с чем.

Ростом он был средним, плечами - отменным, а взглядом - таким, за каким не держатся ни гроша: спокойным и насмешливым. Состояние его состояло из рубашки, что висела на нём, и уверенности, будто дела на острове пойдут как по маслу; и то, и другое было поразительно лёгким. Опытнейшие люди утверждают, что за уверенность такого рода расплачиваются чаще всего.

Порт Хай-Рока, однако, не располагал ни к размышлениям, ни к сомнениям. Вдоль набережной громоздились бочки и пакля; в гамаках между пальмами посапывали люди не внушающие доверия вида; где-то чинили бизань-мачту, и стружка падала в воду, подобно снегу, которого этим краям, к всеобщему удовлетворению, не видать никогда. Над фортификацией, построенной кем-то явно в состязании со здравым смыслом и победившим в нём, реял чёрный флаг - и довольно лениво, будто самому флагу была известна истинная цена той свободы, которую он символизировал.

Он прошёлся вдоль причала, пересчитал своё достояние - рубашку, да уверенность - и пришёл к выводу, что из перечисленного в пищу годится лишь уверенность, да и та ненадолго. Желудок его, пустой, как трюм после добросовестного абордажа, издал при этом звук, не оставивший места дальнейшим рассуждениям. Надо было есть. Сегодня. Сейчас. Лучше - вчера.

Таверна подвернулась ему через полсотни шагов, и подозреваю, что не случайно: таверны, как и капканы, умеют быть в нужном месте. Вывеска над дверью гласила: «Пьяный кракен». Кракен на ней был изображён пьющим ром прямо из бочонка и выглядел при этом умнее большинства людей, коих судьба забросит под эту крышу.

Внутри царил полумрак, пропахший жжёным салом, табаком и мужским потом - ароматами, которые, впрочем, обманчивы, ибо за ними всегда стоит жареное. За стойкой, протирая кружку о фартук, хозяйничал сухой человек в годах, с усами цвета пеньковой верёвки и взглядом казначея. Сим был Эзра Грум - трактирщик, хозяин заведения и, как полагали многие, главный держатель долгов на всём острове.

- Накормите меня, - сказал гость, опираясь о стойку локтями, что было ошибкой: локти он тут же убрал, ибо стойка оказалась липкой.

- Деньги есть? - спросил Грум, не переставая протирать кружку, впрочем безо всякой надежды на результат: кружка была чистой ещё четверть часа назад.

- Пока нет.

- «Пока нет» - хуже, чем «совсем нет»: обнадёживает. - Грум поставил кружку. - Просто так на Хай-Роке не кормят никого. Даже покойников мы обсчитываем.

- Я готов работать. Дважды плавал враскачку через...

- Работа у меня есть. На отмели за южным мысом крабы водятся. Трактирщик мотнул головой в сторону двери. Наберёшь полный вон тот чан - будешь иметь право на ужин. А по острову куры разгуливают: штук двадцать, мои были. Принесёшь мне трёх - добавлю и завтрак. Пойдёшь?

- А если не пойду?

- Тогда поешь сегодня собственной слюны. Грум пожал плечами. - Как видишь, выбор твой богатый.

Стоит ли говорить, что герой наш пошёл. Голод, как и любой другой тиран, весьма способствует послушанию.

Если крабы и обладают каким-нибудь талантом, то, вне всяких сомнений, талантом этим является умение быть пойманными. Полтора десятка шагов от воды он нашёл камни, открытые отливом; под камнями, в щелях сидели они, коричневые и серые, со злостью, которую крабу не под силу воплотить, ибо клешни у него - суть клешни. Герой поддевал, хватал, сбрасывал в чан; работа была грязная, зато честная и - что главное - результативная, качество, которое впоследствии изменит ему на этом острове чуть не всё. Через полчаса чан был полон до краёв, крабы в нём гремели, как котелок, и он, стряхивая с рукавов песок, почувствовал к жизни ту нежность, какую чувствуют к ней люди, впервые за день сделавшие что-то своими руками.

Потом он отправился за курами - и тут остров показал ему вторую, истинную свою натуру.

Если крабы встретили его как послушные создания, то куры встретили его как врагов рода человеческого. Это были птицы полуодичавшие, потомки кур, некогда завезённых на остров, и они успели вполне разделить взгляды своих предков на свободу. Первую курицу он крался минут пять, пригибаясь и шагая мягко, как учили на палубе в свищущий шторм. Курица терпела его до расстояния в три шага, после чего, не изменяя темпа, вышла в сторону, оставив его хватать пустоту и пыль. Вторую он преследовал бегом через чужой двор, в результате чего из хижины выскочила негритянка грозного вида и изгнала его оттуда с таким шумом, будто он пришёл не за курицей, а за её дочерью. Третью он принялся забрасывать камнями; меткий бросок, достойный лучшего противника, сбил с птицы два пера и чуть не выбил глаз проходившему мимо псу. Пёс, надо сказать, отнёсся к курам не как к дичи, а как к соотечественникам, и минут десять ему пришлось защищаться от собственной охоты. К закату у героя были изорваны рукава, ссадина на щеке и полное отсутствие кур. Хай-Рок внятно дал ему понять: на этом острове человеку без гроша легче встретить смерть, чем курицу.

Он принёс чан в «Пьяного кракена» под вечер, когда в таверне стало народу больше, свет стал гуще, а говор - громче. Грум поднял крышку, оценил добычу, хмыкнул:

- Крабы годятся. Повар скажет мне спасибо, а я тебе - нет. Но ужин ты заработал. Он накрыл чан крышкой, чему крабы выразили громкое неудовольствие. - А куры?

- Крысы с перьями. Их не поймать. Обманчивы, быстры и, подозреваю, разумнее большинства моряков, с которыми мне доводилось делить борта.

Грум посмотрел на него. Потом - на своих посетителей. И расхохотался.

Смех его был колким и звучал так, будто по камням сыплется мелкая монета.

- Курицу не смог поймать! Господи милосердный... Да малый ребёнок... Он хлопнул ладонью по стойке, к вящему удовольствию зала, где завсегдатаи начали подтягиваться ближе. Мой племянник, семи годков, таскает их вёдрами! Вёдрами, малый! А ты, стало быть, полдня по острову мотался, знай себе, позор собирал!

Смеялись уже все. Смеялись добродушно, но обстоятельно, как смеются в таверне над чужим позором, - то есть со вкусом и подолгу.

Герой молчал. Он стоял, опустив руки, и позволял смеху обтекать себя, как скала позволяет обтекать себя воде, - с тем, однако, различием, что скалы, в противоположность ему,

имеют обыкновение не обращать внимание на обиду. Когда смех пошёл на убыль, он поднял глаза, положил обе ладони на стойку и, глядя в глаза произнес.

- Ты прав. Курицу поймает и ребёнок.

- Ну вот, - обрадовался Грум, - видишь, а ты...

- А вот что ребёнку не под силу, - продолжал он тем же ровным, почти ласковым тоном, - так это припечатать твою физиономию в эту самую стойку. Так, чтобы она там и осталась. В качестве гарнира к твоему собственному пойлу.

Смеяться перестали мгновенно, одновременно и со всех сторон, как перестают светить фонари при пожаре в гавани. Рука его лежала на стойке неподвижно, но кисть её была твёрда и тяжела, и Эзра Грум, человек в годах и повидавший, прочитал в ней всё, что ему было нужно прочесть. Хмурясь, разглядывая трактирщика, как мальчишка разглядывает гнездо ос, - так, между прочим, выглядело его лицо, - герой ждал, и заведение внутри «Пьяного кракена» замерло в ожидании вместе с ним.

Грум прокашлялся. Потом развёл руками. Потом сказал - быстро, деловито и, что самое поразительное, без тени обиды:

- Постой, постой, малый. Чего раскипятился... Я тебя накормлю, слово трактирщика. Ужин твой, крабы честные, я этого не отнимаю. А потом дам тебе пистолет - и ступай, отведи душу на этих курах. Как повеселишься - приходи: есть у меня для тебя стоящая работа. Для человека с горячей головой и тяжёлым кулаком. Рука-то у тебя, я погляжу, не с пустого места такая берётся.

- А если и с пистолетом в кур промахнусь?

- Тогда работа не для тебя, - пожал плечами Грум, - а ужин считай был на прощание. Мирные люди мне на Хай-Роке не нужны.

Трактирщик, вопреки всем законам своего племени, сдержал слово. Ужин состоялся: вареные крабы в жестяной миске, хлеб, кружка рому - простая еда, но герой, не евший со вчерашнего дня, почти что любил её всем сердцем. Он ел медленно, глядя сквозь стену и размышляя о словах «стоящая работа». «Стоящая», как ему было известно из опыта, в устах таких людей означает «опасная», а то и «не совсем законная», ибо на Хай-Роке, как и повсюду в Карибском море, закон и опасность давно уже вели между собой войну на истощение.

За дверью темнело. Порт засыпал, если позволительно так выразиться о месте, где спят главным образом с ножом под щекой. Оставалось отвести душу на проклятых курах - теперь уже с пистолетом, что, по общему мнению, меняет дело коренным образом. А с этим, как читатель, вероятно, уже догадывается, были связаны отдельные сложности.

Так, между крабом и курицей, начинаются большие события. Иной раз, оглядываясь на прожитое, человек удивляется, какая мелочь, какое ничтожное, смехотворное происшествие повернуло его судьбу; и если бедняга наш мог бы заглянуть вперёд, он бы узнал, что ужин, заработанный крабами и почти оплаченный кровью, стоил ему куда дороже, чем он полагал. Но об этом - в свою очередь.

По мотивам мобильной игры Корсары: Братство Пиратов

Глава 2

Глава вторая, в которой отводится душа, вручается сабля и на острове воцаряется порядок

Рассвет на Хай-Роке застал героя нашего на ногах и во всеоружии, что для человека, ещё позавчера не имевшего ничего, само по себе составляло событие. Пистолет он держал так, как держат вещь очень знакомую и привычную. Остров, судя по всему, спал.

Первый выстрел прозвучал ровно в тот миг, когда солнце, поднявшись над мангровыми зарослями, коснулось воды, и был он, как ни странно, мимо. Курица, на которую он палил с четырёх шагов, вскинула голову, посмотрела на стрелка с таким укором, каким смотрит родственница, разбуженная без надобности, и снова уснула. Второй выстрел сорвал с соседней птицы два пера и много дыму. К третьему герой сообразил, в чём дело: пистолет, чтоб ему пусто было, бил чуть лево цели, зато куры, чтоб им расцвести, спали так мирно, что пальба их не волновала и в малейшей степени. К полудню ремесло пошло настолько, что стрельба перестала быть охотой и сделалась переписью.

Из кустов на третий выстрел выскочил знакомый пёс и остановился между героем и добычей в позе, ясно говорившей о нравственном кризисе. Пёс этот пять минут спустя получил курицу и, рассудив, что патриотизм - вещь хорошая, но курица - лучше, перешёл на сторону победителя. С тех пор он подносил подбитую дичь, неизменно гордый, будто это он её и свалил, и в конце концов герой, поглядев на эту уверенность, поневоле зауважал зверя: на Хай-Роке, где каждый третий выдавал себя за героя, честность самомнения была достоинством редким.

Итог утра составлял четырнадцать тушек, и отводил он душу с такой основательностью, что душа, подозреваю, удовлетворилась окончательно. Погрузив добычу в мешок, герой отправился к «Пьяному кракену», а пёс поплёлся следом - с видом сообщника, которого на допросе не возьмёшь.

Грум у стойки пересчитывал кур с видом человека, пересчитывающего чужие грехи.

- Три... семь... десять... - Он оторвался от счёта. - Ты их чем брал?

- Пистолетом. Как ты и велел.

- Я велел отвести душу, а не вырезать род до девятого колена. - Трактирщик вздохнул и сгрёб добычу. - Ладно. Кухарка скажет спасибо. А ты садись завтракать; потом поговорим. Без обеда, как я погляжу, ты не пропадёшь никогда.

Завтрак, как и всё, что Грум делал против воли, был отменным. Когда миска опустела, трактирщик подвинулся ближе, понизил голос и начал так, как начинают все деловые люди, когда дело предстоит дрянное:

- Малый, ты Хай-Рока не знаешь. Вчера смеялся зал - а смех этот мне дорого стоит: деньгами плачу. Грабили меня уже дважды за этот сезон. Неделю назад взяли шкатулку с серебром, два бочонка рому, пол-кухни. А на днях, - он стукнул костяшками по столешнице, - они подстрелили торговца, что приплыл с Тортуги с товаром. Пуля взяла его в бок. Умер на третий день, а товар их до сих пор валяется у них под ногами, поди разбери.

- Кто они?

- Шайка. Пятеро. Сидят на том конце острова, в старой солеварне, - махнул рукой на север. Вожака зовут Морено: испанец, смуглый, как сажа, оттого и прозвище. Шпага у него длинная, совесть - короткая, в остальном мужик ничего, как положено в этой гавани.

- И остров терпит?

- Остров разводит руками. - Грум усмехнулся криво. - Капитаны в порту пожимают плечами: им Морено дорогу не перешёл. У людей семьи, лодки, у иных и совесть нечистая. Вышло так, что Хай-Року нужен человек со стороны. Чтобы с яйцами у него всё было в порядке.

Герой помолчал, вспомнив вчерашние похороны своего достоинства среди кур.

- С яйцами, - сказал он наконец, - у меня порядок. Несмотря ни на что.

- Вот и славно. Решишь дело - заплачу. Двадцать пиастров, и не торгуйся: не базар этот. А покуда, - он зажёг свечу и полез под стойку, - переночуешь сегодня у меня. В кладовой койка, москиты - как у всех, зато бесплатно.

Из-под стойки он выложил ножны. Старые, потёртые, с потемневшей латунью - вид у них был такой, что никто из разумных не дал бы за них и гроша. Клинок, впрочем, вышел из ножен тихо, как из ножен выходит только хорошая сталь: без звука и с самоуверенностью.

- Толедская работа, - сказал Грум, не скрывая любви. - Гибкая, как правда, острая, как счёт. Служила она одному капитану... лучше тебе не знать какому. Взаймы, не в подарок: в счёт того, что я тебе буду должен.

- А если не вернусь?

- Тогда она в итоге все равно будет у меня, - пожал плечами Грум. - Я человек практичный.

Ночь герой провёл в кладовой, на койке среди ящиков и верёвок, прижав к боку саблю и положив пистолет на полку над головой: островные нравы усваивались быстро, а спать с оружием, как выяснилось, удобно не меньше, чем без него, и куда спокойнее.

Утро встретило его жарой, москитами и молчанием леса - Хай-Рок поперёк, с юга на север, мал, но тропы здесь шли через джунгли так густо, что час пути приравнивался к двум. Пёс поплёлся следом, не спрашивая ни о чём: звери, в противоположность людям, способны к верности, не требуя объяснений.

Солеварня лежала у самой воды: белые, как скатерти, прямоугольники соляных ванн, крыша дома, рухнувшая наполовину, чад от костра. У костра возилась пятерка - и у каждого вид человека, который утром решил, что мир ему должен.

- Постой... - один, щурясь, поднялся. - Да это ж он! Малый, что курицу поймать не мог! Все в «Кракене» смеялись, я сам слыхал!

А между тем вперёд вышел шестой - нет, стоит поправиться: вперёд вышел Морено, оставшиеся четверо были публикой. Высокий, смуглый, в кастильской шляпе с обвислыми полями, с испанской шпагой на ремне - длинной, гордой и старой, как месть.

- Курицачий мститель, — произнёс он с акцентом, от которого слова падали, как с борта. - Чего надо, малый?

- Хай-Рок желает вам доброго пути, - сказал герой. - Желает сегодня же, до заката. Если любезны.

- А кто от острова говорит?

- Человек, которому он сегодня платит.

Морено обвёл его взглядом с головы до ног, отметив, вероятно, то же, что и Эзра Грум накануне: кисть, лежащую на сабле, тяжела не для красоты.

- Смешной ты, малый. Садись, выпей с нами. Люди мы простые, с нами недурно кормятся, а остров большой: нам тут, и тебе - тут.

- Благодарствуй. Хозяин у меня на сегодня один, и совесть - одна, на все случаи.

- А если мы не пойдём?

- Тогда, - герой не повысил голоса, и только пёс, почуяв то, чего не почуяли люди, насторожил уши, - придётся помочь.

Морено бился в мадридской школе, и бился хорошо: шпага его писала в воздухе росчерки, достойные лучшего почерка, - круг, волну, выпад с плеча. Первую минуту герой лишь оборонялся, присматриваясь, как смотрят, не торопясь, в какую пазуху ляжет клинок. Мадридская школа, как ему было когда-то объяснено и как он теперь убедился, учит убивать красиво; толедская сабля, в отличие от этого, учит убивать быстро. Три пасы - и клинок героя лёг коротким, злым ударом через запястье. Шпага Морено звякнула о камни, а вслед за ней, почти тут же, ударил пистолетный выстрел: четвёртый из шайки, посчитавший, что честь -

понятие растяжимое, целил в спину. Пуля сорвала рукав да ещё и ожгла плечо. Герой повернулся и ответил из своего пистолета так же, как отвечали на острове на подобные реплики: без обсуждения. Стрелок сел, схватившись за грудь, и дальше участвовал в событиях исключительно матом.

Морено, раненый, левой рукой схватил шпагу и пошёл вперёд снова - неумно, но недаром за ним водилось прозвище. Сабля приняла выпад, съехала по клинку, и короткий удар под ребро решил вопрос быстрее, чем вопросы решаются на этом острове обычно. Морено сел на землю с изумлением человека, которому вернули сдачу, выругался по-испански - негромко, буднично, беззлобно, - склонил голову и умер.

Тем временем пёс схватил одного за руку с ножом и держал его, пока тот не отбросил нож и не удрал за двумя остальными: те уже пустились в мангровые заросли, где погоня — занятие неблагодарное, а месть - сомнительная. Так кончилась шайка Морено: один умер, один сел, трое учредили переселение.

Перед тем как уйти, герой заглянул в дом. Шкатулка Грума стояла на полке, как и следовало ожидать от шкатулки, которую взломали люди, не умеющие их вскрывать; товар покойного торговца был сложен в ящик, к нему пристало лишь название «оставшееся». Шкатулку герой взял с собой: на Хай-Роке доказательства, как и везде, весили дороже слов.

К вечеру он вошёл в «Пьяного кракена» - и весть, разумеется, опередила его: вести на островах, как и везде, бегают быстрее людей, а на Хай-Роке - ещё и быстрее вранья. Зал замолчал; Грум стоял за стойкой с видом человека, ждавшего известий.

- Стал быть, - медленно произнёс он, разглядывая гостя, - не мирный ты человек.

- Видишь ли... - герой положил на стойку шкатулку и только тогда ответил: - Я и сам этого не знал.

Грум вскрыл шкатулку, пересчитал серебро, кивнул и - вопреки всем законам своего племени, вторично за два дня, - сдержал слово: двадцать пиастров легли на стойку монета к монете, чеканкой вверх, как и полагается платить людям опасным. Затем он поставил за счёт заведения рому, чему зал ответил гулом, а пёс - тем, что улёгся у двери с видом гарнизона, отстоявшего крепость.

Так кончился третий день героя на Хай-Роке. Голодный незнакомец, сошедший с торгового «Провидения» ни с чем, за один этот день сделался человеком, с которым на острове считались. Ибо слава в Карибском море расходится быстрее рома, а репутация, как и деньги, любит умножаться - и обе вещи на Хай-Роке имеют обыкновение заканчиваться интересно. Но об этом - в свою очередь.

По мотивам мобильной игры Корсары: Братство Пиратов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.